

Введение¹

История населения степного междуречья Дуная и Днестра в период сложения и развития Первого Болгарского царства (681—1018 гг.) еще не написана. Интерес исследователей к самобытной культуре оседлого населения, оставившего в Бужакской степи памятники так называемой балкано-дунайской археологической культуры, возник давно и является вполне обоснованным — история края в указанный период не нашла существенного отражения в дошедших до нас письменных источниках. Специфика региона, выразившаяся в периферийном расположении здесь нескольких археологических раннесредневековых культур, в то же время, обуславливала некоторую ограниченность и нецеленаправленность научного интереса к нему, где восточнославянские, южнославянские древности и древности кочевников X—XI вв. изучались изолированно друг от друга. Постоянно вставала проблема формирования восточнороманского населения в раннесредневековый период.

Изучением степных древностей, получивших в научной литературе наименование «балкано-дунайской культуры», занимались многие археологи, исследовавшие и частично обработавшие значительное количество археологических материалов. Отдельные вопросы находили многократное освещение в трудах ряда советских и зарубежных ученых. При этом необходимо отметить, что некоторые исследователи отнюдь не всегда стремились повысить источниковедческие возможности археологических материалов, пренебрегая, как правило, подробным анализом наиболее информативного из них — керамики. Однако это не мешало им писать работы «обобщающего характера», затрагивающие в основном вопросы происхождения и культурно-этнической принадлежности памятников. Несмотря на это, следует признать, что слабо разработанная хронологическая и культурно-этническая атрибуция древностей раннего средневековья, наряду с недостаточно подробными и весьма ограниченными сведениями письменных источников по истории региона, чрезвычайно осложняли и запутывали источниковедческую ситуацию.

¹ Текст книги дан в авторской редакции — *ред.*

Круг вопросов, возникающих в связи с изучением балкано-дунайской и синхронных с ней культур, чрезвычайно обширен. Некоторые из них были поставлены Г.Б. Федоровым в 1978 году, отметившим необходимость определения путей и времени проникновения носителей тюрко-болгарской культуры на Нижний Дунай и прилегающие территории, соотношения между собственно тюркской (салтово-маяцкой), аланской и балкано-дунайской культурами, между тюрко-болгарским и славянским компонентами в различных регионах ареала последней, проследить более детально фазы ее развития, ее взаимосвязи с восточнославянской культурой, необходимость выяснить, какие ее элементы вошли в материальную культуру в этих же регионах после начала XI в., а также какие этнические общности, кроме основной — славяно-болгарской, могли быть ее носителями, и были ли такие (Федоров, Негруша 1979: 56). Проблематика балкано-дунайской культуры включает также множество сюжетов болгаристики, балканистики, византиеведения и других важных для истории Юго-Восточной Европы разделов науки.

Изучение памятников балкано-дунайской культуры степного междуречья продолжается вот уже свыше четырех десятков лет. Между тем имеется ряд существенных проблем в связи с историей оседлого населения конца VIII — начала XI вв., по которым археологи еще не высказали исчерпывающего мнения. Несмотря на то, что на исследуемой территории значительное количество поселений раскапывалось, доля вошедших в научный оборот источников, преимущественно керамики, остается ничтожно малой (Чеботаренко 1973; 1974; Чеботаренко, Щербакова 1974; 1981; Йовков 1981; Сміленко, Козловський 1987; Смиленко, Козловский 1987а; Федоров 1960; 1965; 1968; 1969 и др.).

Если восточнославянская атрибуция памятников типа Лука-Райковецкая не вызывает у исследователей интерпретационных расхождений, то в отношении памятников балкано-дунайской культуры она остается полемичной.

Слабо изучена и нуждается в стройной обобщающей модели социально-экономическая структура населения, оставившего памятники балкано-дунайской культуры. Актуальными остаются проблемы восточно-романского (волошского) культурного компонента в балкано-дунайской культуре, соотношения последней с салтово-маяцкой (хазарской) культурой и взаимоотношений оседлого и кочевнического населения региона в X — начале XI вв. Без преувеличения можно констатировать — и историкографически, и источниковедчески остаются на низком уровне разработанности вопросы типологии жилищ, типологии и хронологии керамики и других вещей, их картографирование и корреляция с памятниками всего ареала культуры, общие вопросы абсолютной и относительной хронологии памятников и этнокультурной их интерпретации в целом, не говоря уже о социально-политических аспектах.

Итак, нерешенность многих основных вопросов в изучении балкано-дунайской культуры, а также накопление к настоящему времени значительного археологического материала, создавшее новую источниковедческую базу, побуждают меня обратиться к данной проблематике.

Предметом данного исследования являются, прежде всего, археологические материалы, полученные в результате раскопок поселений балкано-дунайской культуры, расположенных в степном междуречье Дуная и Днестра, где в настоящее время известно 137 памятников. Географически поселения группируются в двух районах (Приложение 1, рис. 2—7). Первая группа из 35 поселений, включая одно городище, расположена в бассейне правобережного Нижнего Днестра. Вторая группа, представляющая собой компактный массив памятников из 102 поселений, сосредоточена на левобережье дельты Дуная, по берегам придунайских озер и их речных притоков.

Ранее в одной из моих работ приводилось иное количество поселений балкано-дунайской культуры, расположенных на территории СССР, а именно — 154, из которых 48 были локализованы в Поднестровье (Козлов 1987: 77). Однако проделанная мною строгая верификация памятников на основе анализа керамических комплексов позволила исключить некоторые поселения Центральной Молдавии (Хынку 1969; 1970; 1971; 1974; Федоров, Чеботаренко 1974: 40—49, пункты 134, 157—163, 165—166; Постикэ 1988: 9) из числа балкано-дунайских и отнести их к культурно-хронологической группе памятников типа Рэдукэнь-Хлинча II-Ханска.

Для более углубленного понимания вскрываемых явлений и надежности аргументации результатов исследований мною привлекаются материалы синхронных памятников со смежных территорий — Румынии и Болгарии.

В данной работе выделены те аспекты проблемы, которые в настоящее время могут быть достаточно полно освещены и в той или иной степени решены. Одним из главных мне представляется хронологический аспект. Разработка хронологии объектов и вещей преследует цель показать их движение во времени, а значит, приблизить их к более объективному соответствию и отражению определенной исторической конкретики. Правда, датировка и периодизация памятников балкано-дунайской культуры рассматриваемого региона затруднена вследствие того, что здесь не открыты некрополи, а находки монет и узко датировемых вещей эпизодичны. Поэтому основным методом решения данной задачи является типологический и технологический анализ керамики и других немногочисленных категорий находок, соотнесенных с наиболее надежно датировемыми материалами смежных территорий. Разработка хронологии, вскрытие связей с другими культурами региона и смежных регионов позволяет, как мне представляется, шире и богаче представить изучаемую культуру, чем это удавалось предшественникам.

Создание периодизации и хронологии становится важным инструментом решения или, во всяком случае, постановки ряда других задач, а именно: 1) типологической и хронологической оценки домостроительства; 2) определения характера этапов колонизации степного междуречья Дуная и Днестра населением I Болгарского царства; 3) определения времени проникновения других этнических групп в регион и характера их взаимоотношений с носителями балкано-дунайской культуры; 4) характеристики культурно-технологических достижений, хозяйственно-экономического уклада населения; 5) определения культурной и политической ориентации изучаемого общества; 6) исследования, насколько это позволяют новые материалы, исторических судеб изучаемого оседлого населения.

Я глубоко признателен сотрудникам Института археологии АН Молдовы — к. и. н. Г. Ф. Чеботаренко, д. и. н. П. П. Бырне, к. и. н. Н. П. Тельнову, к. и. н. Г. Постикэ, И. С. Власенко, И. С. Тентюку, Института археологии АН Украины — д. и. н. А. Т. Смиленко, к. и. н. А. А. Козловскому, Одесского археологического музея НАН Украины — А. А. Кравченко, к. и. н. Л. В. Субботину, предоставившим свои неопубликованные и частично опубликованные материалы, давшим полезные консультации, без которых работа над этой книгой была бы невозможна.

Появление данного исследования во многом было определено его первыми пристрастными рецензентами — сотрудниками Отдела славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН, принимавшими деятельное участие в его апробации в ходе работы над ним. Особую благодарность среди них приношу, прежде всего, моему научному руководителю д. и. н. П. А. Раппопорту, д. и. н. Е. Н. Носову, к. и. н. О. А. Щегловой, к. и. н. В. М. Горюновой. Во многом признателен и благодарен также болгарским и румынским коллегам — докторам Л. Дончевой-Петковой, Ж. Аладжову, М. Комше, М. Матею и др. — за научные консультации по проблематике балкано-дунайской культуры.

Я чрезвычайно признателен за деятельную и плодотворную для меня помощь моему учителю и научному руководителю д. и. н. профессору С. А. Плетневой, которая приняла руководство и ответственность за выполнение работы после кончины моего первого научного руководителя П. А. Раппопорта.